

Научная статья

УДК 316.346.32-053.6: 004.8 (571.17)

EDN VTYQMD

DOI 10.17150/2500-4255.2026.20(3).252-267

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТРУМЕНТОВ DATA-MINING В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ДЕСТРУКТИВНО-КРИМИНАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Н.В. Нятина, Н.Н. Григорик, М.А. Лось

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

13 октября 2025 г.

Дата принятия к публикации

23 июня 2026 г.

Дата онлайн-размещения

29 июня 2026 г.

Ключевые слова

Деструктивно-криминальная активность; репрезентация; молодежная преступность; сетевая коммуникация; инструменты data-mining; регион; социально-политическая мобилизация

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке гранта РФ № 24-28-01230 «Социальная и политическая мобилизация конструктивного и деструктивного типа в условиях множества сетевых миров сибирских регионов ресурсного развития: возможности применения инструментов data-mining»

Аннотация. Деструктивно-криминальная активность молодежи представляет собой отражение лично-ориентированного жизненного опыта и целенаправленного влияния внешней социальной среды, включая региональные показатели развития, которые с помощью институциональных средств и методов, комплексного изучения и своевременного понимания актуальных тенденций могут сдерживать динамику и интенсивность подобного поведения. Кроме того, регион как место жительства формирует конкретные социально-экономические условия благополучия населения (возможности получения образования, трудоустройства, самореализации и пр.). Однако современные деструктивные социальные практики характеризуются многообразием форм, возможностями проявления и переплетениями нормативно-санкционного характера. Цель исследования двухкомпонентна: во-первых, описание деструктивно-криминальной активности молодежи в конкретном регионе (на примере Кемеровской области — Кузбасса); во-вторых, конструирование пробной социально-территориальной модели деструктивно-криминальной активности молодежи с учетом комплекса социальных показателей. Подобная репрезентация посредством группировки и типологизации данных содействует обобщенному представлению исходных номинальных социальных и правовых показателей. Объектом исследования выступает деструктивно-криминальная активность, предмет сфокусирован на воспроизведении практик подобного содержания молодыми людьми на конкретной территории. Исследование предполагает последующую адаптацию и реализацию сравнительного анализа по территориям, в зависимости от деструктивно-криминальной активности посредством цифрового картографирования. Результатом исследовательской деятельности является разработанное программное оборудование на языке программирования Python для анализа социально-личностных характеристик молодых преступников и определения их склонности к деструктивно-криминальной активности.

Для цитирования. Нятина Н.В. Возможности применения инструментов data-mining в репрезентации деструктивно-криминальной активности молодежи: региональный аспект / Н.В. Нятина, Н.Н. Григорик, М.А. Лось. — DOI 10.17150/2500-4255.2026.20(3).252-267. — EDN VTYQMD // Всероссийский криминологический журнал. — 2026. — Т. 20, № 3. — С. 252-267.

Original article

OPPORTUNITIES FOR USING DATA-MINING TOOLS IN THE REPRESENTATION OF DESTRUCTIVE-CRIMINAL ACTIVITIES OF YOUNG PEOPLE: REGIONAL ASPECT

Natalya V. Nyatina, Nikita N. Grigorik, Mikhail A. Los

Kemerovo State University, Kemerovo, the Russian Federation

Article info

Received

2025 October 13

Accepted

2026 June 23

Available online

2026 June 29

Abstract. Destructive-criminal actions of young people reflect the personality-oriented life experience and the purposeful influence of external social environment, including the regional development indices which, through the use of institutional means and methods, complex research and timely understanding of relevant trends, could restraint the dynamics and intensity of such behavior. Besides, the region, as a place of residence, creates specific socio-economic conditions for people's well-being (opportunities for education, employment, self-actualization, etc.). However, modern destructive practices are characterized by a diversity of forms, manifestations

Keywords

Destructive criminal activity; representation; youth crime; network communication; data mining tools; region; socio-political mobilization

Funding

The research was funded by a Grant of the Russian Science Foundation No 24-28-01230 «Social and Political Mobilization of a Constructive and Destructive Type in the Conditions of Multiple Network Worlds of the Siberian Regions of Resource Development: Opportunities for Using Data-Mining Tools»

and interconnections of normative-sanction nature. The purpose of the study is two-fold: firstly, to describe the destructive-criminal activities of young people in a specific region (using the example of Kemerovo Region — Kuzbass); secondly, to build up a pilot socio-territorial model of destructive criminal activities of young people taking into account a complex of social indices. Such a representation through data grouping and typology helps to obtain a generalized picture of initial nominal social and legal indices. The subject of the research is destructive-criminal activities, the object focuses on the reproduction of such practices by young people living on a specific territory. The research presupposes a further adaptation and implementation of comparative analysis for territories through digital mapping, depending on the destructive-criminal activities. The result of this research is the developed software, based on Python programming language, used to analyze the social and personal features of young offenders, and to determine their predisposition for destructive-criminal activities.

For citation. Nyatina N.V., Grigorik N.N., Los M.A. Opportunities for Using Data-Mining Tools in the Representation of Destructive-Criminal Activities of Young People: Regional Aspect. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2026, vol. 20, no. 3, pp. 252–267. (In Russian). EDN: VTYQMD. DOI: 10.17150/2500-4255.2026.20(3).252-267.

Поиск смысла и значения человеческой деятельности в настоящее время, насыщенное невероятным множеством рисков и угроз, может заключаться не столько в попытке, в очередной раз, определить возможности людей, а скорее описать условия их существования (в конкретных, измеряемых, заметных для наблюдателя-исследователя значениях). Деструктивное криминальное поведение в обществе ассоциируется с понятием «страх», является такой «точкой сборки», в которой сходятся теологические, социологические, философские и практические жизненные проблемы, являясь максимально продуктивным понятием для анализа жизненного состояния человека и общества [1, с. 34]. В последние десятилетия проблема деструктивно-криминальной активности молодежи стала заметной и в очередной раз интенсивно обсуждаемой в обществе. В сочетании с внешними угрозами, рисками и трансформацией российской социальной реальности категории «безопасность» и «опасность» актуализируются в современных социально-политических повестках на различных уровнях ответственности и социальной перспективы. Период формирования молодыми людьми ценностей и ценностных ориентаций характеризуется открытым интересом самопознания, стремлением к независимости, а также влиянием сверстников и социальной среды. Важно отметить, что особенностями данной возрастной группы является активный поиск своего места в обществе, а зачастую и самого общества, формирование диспозиций и убеждений. Переживая кризисные моменты, молодежь может столкнуться с трудностями, такими как чувство одиночества, страхи и угрозы, низкая самооценка, давление со стороны сверстников.

Присутствие/участие молодежи в асоциальных группах является фактором риска совершения преступления, и последствиями подобных социальных практик. Такие группы влияют на формирование взглядов, противоправных установок, норм поведения, побуждают к совершению противоправных действий. Отсутствие постоянного места работы, заработка и места жительства — все это является основными причинами нарушения закона [2]. Следовательно, существенную проблему для молодежи составляет несоответствие объективных условий и возможностей целям, устремлениям, желаниям (аккордно позициям социальной аномии Р. Мертона [3]). Возникают и получают активную значимость в обществе тенденции к автономизации преступности молодежи от преступности взрослых как следствие расширения стремлений и возможностей (особенно в материальном и коммуникативном аспектах) к независимому от других социальных категорий образу организации повседневного жизненного мира. Эти и другие факторы могут привести к необдуманному, спонтанному решению, включая деструктивно-криминальную активность. В современном обществе молодежь как особая социальная группа характеризуется следующими характеристиками: социокультурная гибридизация сознания и поведения, которая проявляется в одновременном сосуществовании «локального и глобального, традиционного и современного, духовного и материального, ценностного и рационального» [4]; перестройка значимости референтности социальных групп, граничащая с выбором приоритетности в жизненных целях и реализации безопасного существования: мо-

лодые люди склоняются к тому, чтобы обратиться за помощью к знакомым, приятелям, но не к ближайшим родственникам [5, с. 151–153]; доминирование кумулятивного показателя субъективно-эмоциональной оценки в восприятии общественных процессов [6, с. 294–296]; «легкое отношение к финансам, восприятие их как средства получения положительных эмоций; поверхностный интерес к политике, избегание глубокого погружения в политические проблемы и анализ; концентрация на себе и своих проблемах» [7, с. 768–775]; повышенный уровень дезадаптивности и, как следствие, виктимности [8, с. 265]. Подобные особенности актуализируют определение «предикторов критериев стилистики» девиантного поведения (в том числе деструктивно-криминального) молодежи [9].

На сегодняшний день молодежь стремится испытать новые ощущения, что, в свою очередь, может сопровождаться разного рода рисками и угрозами индивидуально-личностной и общественной безопасности. Молодые люди стремятся обрести новый опыт в условиях, которые часто выходят за рамки привычного, что позволяет ей формировать собственные представления о мире. Отметим, что рискованное поведение является «популярным» элементом социализации, оно позволяет молодым людям выстраивать социальное взаимодействие с разными социальными категориями (не учитывая, например, классических оснований социального действия по М. Веберу), попробовать различные роли и самостоятельно «исследовать границы допустимого». Однако существует вероятность того, что молодежь выберет именно деструктивно-криминальную активность в качестве предпочтительного способа адаптации к социальному окружению, что объясняет выбор комплексного подхода к изучению данной проблемы. «Двухкомпонентность» деструктивной молодежной активности обусловлена одновременным сочетанием деятельности, которая транслирует образцы, не поддерживаемые общепризнанными нормами и ценностями, оказывая влияние на качество жизни личности/группы/общества, нанося вред человеку, при этом имеющая разрушительный характер (*деструктивность*). В то же время деструктивный вызов / формат деятельности маркирует отсутствие должных элементов правового контроля, обусловленное активизацией набора соответствующих санкций в случае демонстрации молодежью (в нашем случае преимущественно в масштабе региона) преступ-

ных деяний (*криминальность*). Современные исследователи предлагают рассматривать деструктивность адаптивно применительно к различным значениями и смыслам. В одном случае она представляет собой склонность личности к искажению допустимых социальных практик, во втором — является результатом кумулятивного проявления агрессии, психологических травм и поведенческих отклонений [10, с. 105–103]. В классических психологических и социологических теориях акценты в интерпретации деструктивности расставлены следующим образом: стремление личности к формированию «неживой материи» (З. Фрейд) [11]; ответная реакция на угрозу реализации потребности в безопасности и комфортности (К. Хорни) [12]; влияние агрессивных генетически заданных факторов (Л. Берковиц) [13]; проявление разрушительного господства (влияния) в определенных социальных кругах (Т.; Адорно) [14]; открытое выражение личностной природы страстей (Э. Фромм) [15; 16]. Современные зарубежные исследователи при изучении преступной активности молодежи предлагают учитывать разнообразие форм проявления и их взаимопереходы [17; 18], при этом уделяя особое внимание депрессивному поведению и одиночеству [19], реализовывать фиксацию, используя системы «умного» городского пространства с помощью искусственного интеллекта (ИИ) [20], принимать во внимание роль и значимость СМИ и социологии массовых коммуникаций (СМК) [21]. Моделирование противоправного поведения является непростой исследовательской задачей с учетом нелинейной зависимости между социальными переменными и соответствующим поведенческим воплощением [22, с. 111–112]. Таким образом, исследователи используют сложный методологический набор в интересах реализации задач исследования социальной природы деструктивного поведения. Предостерегая от неправильного толкования, ученые справедливо отмечают двойную природу деструктивности: «доброкачественную» и «злокачественную» (по Э. Фромму). В данной работе в исследовательском поле сделан акцент на втором виде ее проявления, когда фиксируются негативные последствия во внешней социальной среде в отношении «Других» (в том числе и в сторону аутодеструктивной компоненты).

Особое внимание в изучении данной темы отводится анализу деструктивной активности молодежи именно в региональном аспекте.

Кузбасс в качестве регионального пространства обладает некоторыми уникальными социальными, экономическими, культурными, территориально-поселенческими особенностями. Исследовательский тонус задает определенный проблемный состав региональных проблем, включая социально-экономические (например, уровень безработицы, качество жизни отдельных категорий населения на территориях, степень криминализации молодежи и др.), способствующих формированию девиантных, в том числе делинквентных, наклонностей и преступное поведение молодежи. По авторитетному утверждению председателя Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкина, Кемеровская область — Кузбасс является одним из регионов России с самым высоким процентом преступности среди несовершеннолетних¹. В 2024 г. молодыми людьми в возрасте от 14 до 17 лет в регионе было совершено 1 225 преступлений². Молодежь в регионе склонна к проявлению деструктивной активности и мобильности в качестве основной модели поведения, либо речь может идти о существенных предпосылках подобного поведения молодых людей (в реальной жизни и виртуальных коммуникациях), которое в повторениях и наращивании деструктивных практик способно формировать консолидированные сообщества, например, переноса и «замораживая» угрозы и противоправные настроения в интернете.

Современные исследования деструктивно-криминальной активности молодежи сосредоточены на статистических показателях, таких как: демографические характеристики личности, уровень и структура преступлений, а также «территория событий». При этом отсутствует системный анализ динамики преступной активности среди молодежи в регионах с неоднородным уровнем преступности. Данное обстоятельство затрудняет выявление причинно-следственных связей между социальными, экономическими и культурными факторами, влияющими на формирование социального портрета молодого преступника и применяемы-

ми профилактическими мерами. Считаем, что цифровые инструменты анализа социальных явлений (в частности, таких, как деструктивно-криминальная активность молодежи) способны достоверно измерять социально-политическое взаимодействие в регионе и предоставлять необходимую для репрезентации информацию. Исследование деструктивных проявлений личности с учетом сетевого формата измерения позволит обнаружить влияние «качества» сетевых ресурсов на изучаемые явления, проанализировать «участие сети» в репрезентации деструктивной, криминальной активности молодых пользователей.

Материалы и методы исследования

В качестве методологических оснований предлагается системный подход, метод типологизации (выделение и описание социально-личностных характеристик молодых преступников), включая возможность изучения молодежной деструктивности инструментами data-mining. Эмпирическую базу исследования составили результаты анализа данных официальной статистики Министерства внутренних дел Кемеровской области — Кузбасса, прокуратуры Кемеровской области — Кузбасса и Кемеровостата за 2018–2025 гг. Были проанализированы характеристики молодых преступников, включая их «региональную принадлежность», что позволило изучить факторы-основания, повлекшие криминально-деструктивную активность. В первую очередь рассматривались реальные документы (постановления, судебные решения и извлечения из следственных документов). Для достижения поставленной цели было проанализировано 37 единиц документальных источников, описывающих деструктивно-криминальную активность молодых людей в возрасте от 19 до 35 лет на территории Кемеровской области — Кузбасса. Качественные характеристики деструктивных (уголовных) проявлений молодежи получили подтверждение в результате оценки экспертов-сотрудников уголовно исполнительных инспекций и исправительных колоний Кузбасса (всего было опрошено 10 экспертов, стаж их работы в области, интересующей исследователей, составил не менее пяти лет).

Для анализа и систематизации эмпирических материалов было применено специализированное программное обеспечение (ПО), разработанное в рамках исследования. Data-mining

¹ В России выросла подростковая преступность // МК.RU. 2024. 15 окт. URL: <https://www.mk.ru/incident/2024/10/15/v-rossii-vyroslo-podrostkovaya-prestupnost.html> (дата обращения 19.09.2025 г.).

² Отчет за 2024 г. // Главное управление МВД России по Кемеровской области — Кузбассу. URL: <https://42.xn--b1aew.xn--p1ai/folder/61252361> (дата обращения 19.09.2025 г.).

используется для обработки большого массива данных (статистики деструктивно-криминальной активности молодежи в регионе) и определения скрытых закономерностей. Данное ПО позволяет по совокупности социально-демографических и психологических характеристик моделировать деструктивно-криминальную активность молодежи в регионе и оценивать вероятность совершения ею противоправного деяния или шанс рецидива. Дополнительно оно дает возможность ориентировать ответственных лиц и представителей профильных учреждений в компетентном сопровождении молодых преступников для противодействия в совершении противоправных действий.

Результаты исследования и их обсуждение

Для того, чтобы определить характер деструктивно-криминальной активности молодежи в регионе, выявить тенденции и закономерности, опишем криминогенную ситуацию по состоянию на 2025 г. на территории Кемеровской области — Кузбасса. Это поможет понять, какие факторы и региональные особенности оказывают наибольшее влияние на деструктивное поведение и проявление преступности молодежи. В 2025 г. регион занимал 39-е место среди субъектов Российской Федерации и 9-е место в Сибирском федеральном округе

по количеству преступлений, совершаемых на 100 тысяч населения. По сравнению с 2022 г. этот показатель снизился с 1 807,5 до 1 467,5. Динамика некоторых показателей региональной преступности представлена в табл..

Согласно данным официальной статистики ГУ МВД России по Кемеровской области за исследуемый период (с 2021 по 2024 г.)³ произошло снижение абсолютных показателей преступлений, совершенных несовершеннолетними (с 1 261 в 2021 г. до 823 в 2024 г.), но при этом удельный вес преступлений, совершаемых данной категорией лиц, был достаточно высок: в 2021 г. он составил 4,8 %, в 2024-м — 4 %, что превышает средние значения данного показателя по России (2,9 %) и СФО (3,9 %)⁴. На этом фоне фиксируется рост тяжкой и особо тяжкой подростковой преступности (+31,1 %, 417), каждое второе тяжкое посягательство связано с незаконным оборотом наркотиков

³ Данные официальной статистики преступлений несовершеннолетних за 2025 г. на момент публикации отсутствуют.

⁴ Информационно-аналитическая справка о деятельности подразделений Управления МВД России по г. Кемерово в 2022 г. // Главное управление МВД России по Кемеровской области – Кузбассу. URL: https://42.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/Otcheti_pered_naseleniem/Otcheti_nachalnika_GU_MVD_Rossii_po_Keme (дата обращения: 18.05.2026).

Динамика некоторых показателей преступности в Кемеровской области за период 2022–2025 гг.

Dynamics of certain crime indicators in Kemerovo Region in 2022-2025

Показатели преступности / Crime indices	2022 г.	2025 г.	Темпы прироста, % / Growth rate
Количество зарегистрированных преступлений / Number of registered crimes	47 071	32 880	–30,2
Коэффициент интенсивности преступности / Crime intensity coefficient	1 807,5	1 467,5	–18,8
Количество преступлений против личности / Number of crimes against the individual	5 078	2 716	–46,5
Количество преступлений против собственности / Number of crimes against property	29 341	20 228	–31,1
Количество совершенных краж / Number of thefts	19 058	11 452	–39,9
Количество умышленных убийств / The number of premeditated murders	197	118	–40,1

Источник: составлено авторами на основании информационно-аналитических справок о деятельности подразделений Управления МВД России по г. Кемерово в 2022 и 2025 гг.*

Source: compiled by the authors based on information and analytical reports on the activities of the departments of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Kemerovo in 2022 and 2025.

* Отчеты начальника ГУ МВД России по Кемеровской области-Кузбассу за 2022 и 2025 гг. // Главное управление МВД России по Кемеровской области – Кузбассу. URL: https://42.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/Otcheti_pered_naseleniem/Otcheti_nachalnika_GU_MVD_Rossii_po_Keme (дата обращения: 04.05.2026 г.).

(+249 %, 220)⁵. Данные факты подтверждают актуализацию изучения криминально-деструктивной активности молодых людей, которая существенным образом влияет на социальную безопасность в регионе.

Для достижения поставленных целей авторами исследования были проанализированы личные дела молодых преступников, состоящих на учете в уголовно-исполнительной инспекции Кемеровской области — Кузбасса⁶. Всего было проанализировано 37 личных дел молодых преступников, осужденных на территории Кузбасса. На основе изученных данных была получена характеристика криминально-деструктивной активности лиц молодежного возраста. Выборочная совокупность состоит из пяти женщин и 32 мужчин в возрасте от 19 до 35 лет.

Женщины, все безработные, не состоящие в браке, осуждены по ст. 157 УК РФ, что предполагает неисполнение обязанностей по выплате алиментов. Большинство преступниц ранее уже имели судимости: 80 % осуждены повторно, причем 75 % из них совершили повторные преступления через более чем три года после первого назначения наказания. Известно, что все женщины на момент преступления находились в состоянии алкогольного опьянения, но только одна из них состоит на учете в наркодиспансере. Интересно, что все женщины проживают отдельно от семей, кроме одной, что может говорить о слабых социальных связях и недостатке поддержки со стороны близких в период после первого осуждения.

Сравнивая деструктивно-криминальную активность молодых женщин Кузбасса и России в целом, можно отметить, что в региональном аспекте преступные деяния совершают женщины, которые имеют детей и находятся в разводе. Виды преступлений в обоих случаях связаны с денежными средствами и экономической безопасностью. Но если в Кузбассе — это уклонение от выплаты алиментов, то в среднем по России — махинации и хищения.

⁵ Информационно-аналитическая справка о деятельности подразделений Управления МВД России по г. Кемерово в 2024 г. // Главное управление МВД России по Кемеровской области – Кузбассу. URL: <https://42.mvd.rf/folder/61252361> (дата обращения: 18.05.2026).

⁶ В организации и проведении исследования непосредственное участие принимала Данилова Алена Павловна (студентка 4-го курса направления «Организация работы с молодежью» кафедры социологических наук, г. Кемерово, Российская Федерация, e-mail: danilovaalena114@gmail.com).

Мужчины, составившие большинство исследуемой выборки, демонстрируют несколько иную картину: мужчины, возраст которых варьируется от 19 до 35 лет, продемонстрировали существенное различие в частоте и тяжести совершенных преступлений, а также в условиях жизнедеятельности. 6,25 % опрошенных мужчин не имели судимостей до момента осуждения, в то время как остальные 93,75 % имели от 2 до 11 судимостей, причем их количество коррелировало с возрастом — чем старше, тем больше судимостей, что может свидетельствовать о нарастающей криминальной активности по мере взросления либо о трудностях ресоциализации и постпенитенциарной адаптации.

Особенности деструктивно-криминальной активности мужчин характеризуются следующими чертами:

– 78,13 % были осуждены условно, что свидетельствует о наличии объективно установленных оснований для исправления;

– 15,63 % мужчин были лишены права заниматься профессиональной деятельностью по судебному решению;

– ограничение свободы как мера пресечения была выбрана в отношении двух молодых людей;

– для 59,38 % осужденных данная судимость является результатом рецидивной преступности, причем ранее они уже отбывали наказание в виде лишения свободы, а основную массу из них составляют лица в возрасте от 25 до 35 лет.

Социально-личностные характеристики мужчин также неоднородны: 75 % из них безработные, большинство из которых в возрасте от 28 до 35 лет, 18,75 % официально трудоустроены (23–27 лет), и 6,25 % занимаются трудовой деятельностью без официального оформления (19–20 лет). Отметим явное преобладание отсутствия стабильной занятости, что, вероятно, способствует рецидивности деструктивно-криминальной активности из-за отсутствия социально приемлемых источников дохода.

Что касается характера преступлений, то наиболее частыми статьями, по которым мужчины понесли наказания, стали: кража (ст. 158 УК РФ), незаконное производство или сбыт наркотических средств (ст. 228 УК РФ) и угон транспортных средств (ст. 166 УК РФ). Для женщин наиболее частой статьёй стала невыплата алиментов. Важно подчеркнуть, что у мужчин наиболее частым интервалом между повторными

преступлениями был период более года, что может указывать на некоторый интервал времени, необходимый для накопления внутренних и внешних факторов, ведущих к рецидиву. Сравнивая полученные данные со статистикой по всей стране, можно отметить, что молодой преступник-мужчина в Кузбассе в целом имеет схожие характеристики, как и среднестатистический преступник в России⁷. Отличие имеет лишь одна характеристика — вид преступления. Если в Кузбассе преступления среди мужчин зачастую не имеют тяжких форм, то в целом по России преступления имеют отягчающие обстоятельства. Учитывая вышеизложенные данные, можно предположить, что молодой человек, транслирующий деструктивно-криминальную активность в Кузбассе — это мужчина в возрасте около 30 лет, не имеющий постоянной работы и стабильных источников дохода, возможно уже отбывавший наказание ранее. Также он, согласно полученным данным, имеет слабые семейные и дружеские связи, что может подкрепляться наличием алкогольной или наркотической зависимости (хотя только трое мужчин официально числятся на учете в наркодиспансере). Социальная изоляция, повторные осуждения и ограничения на трудовую деятельность только увеличивают вероятность рецидива в будущем, так как ограничивают доступ к легальным средствам существования и социальной поддержки.

Сравнивая данные, полученные в ходе исследования со статистическими данными по России, можно выделить сходства и отличия, которые характерны для молодого человека с деструктивно-криминальной активностью в исследуемом регионе. Сходством будут являться следующие характеристики:

- гендерное преобладание мужчин, возраст 20–35 лет;
- наличие алкогольной и наркотической зависимости;
- низкий уровень социальной адаптации и слабые семейные связи;
- отсутствие стабильного заработка, а доступ к легальным источникам дохода отсутствует либо затруднен.

Отличительными чертами являются:

- в Кузбассе отмечается более четкая характеристика о возрасте около 30 лет, тогда

как по России в целом возрастной диапазон более широкий;

- в регионе социальная изоляция личности более выражена, а трудоустройство затрудняют особенности региональной экономики (высокая ресурсная зависимость и приоритетная роль угольного сырья) и рынка труда;

- уровень официально зарегистрированных случаев наркологического учета среди преступников в Кузбассе низкий. Это может свидетельствовать о недостаточной выявляемости или скрытом употреблении, в то время как по России в целом проблема с наркотиками более широко распространена и документирована.

Выявленные в результате исследования закономерности должны быть учтены в разработке профилактических и реабилитационных программ, ориентированных на профилактику деструктивно-криминальной активности, что также подтверждается зарубежными исследованиями, посвященными молодежной преступности [23]. Особое внимание следует уделять созданию и поддержанию системы ресоциализационной поддержки для осужденных, а также предоставлению им возможностей для получения образования и профессиональной подготовки, что поможет обеспечить более благоприятные условия для их реинтеграции в общество.

Вторая часть нашего исследования заключалась в проведении интервью с профильными специалистами (10 человек), чья деятельность заключается в работе с молодыми преступниками. Эксперты являются действующими сотрудниками системы пробации с устойчивым профессиональным стажем: 80 % из них занимают должность инспекторов, большинство из которых — старшие, что указывает на управленческий или координационный уровень работы.

На вопрос о факторах, влияющих на преступность молодежи, 70 % экспертов выделили социальные и семейные причины: неблагополучная среда, гипопека или гиперопека в воспитании, отсутствие конструктивных ориентиров в окружении. Часть из них дополняет сказанное личностными и психологическими трудностями, такими как скука, внутренняя слабость или отсутствие жизненного смысла. 30 % экспертов делают акцент на материальных и образовательных дефицитах — бедность, нехватка досуга, низкий уровень жизни. 20 % респондентов предложили иные объяснения: один упомянул генетику, другой — влияние деструктивной культуры. В целом ответы образуют довольно

⁷ Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК РФ // Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 22.09.2025).

согласованное поле мнений: преступность воспринимается как результат соединения внешнего давления и внутренней неустойчивости, где доминируют не жесткие обстоятельства, а, скорее, распад социальных связей, отсутствие поддержки и формирование девиаций. Этот сдвиг от «зла как выбора» к «злу как следствию условий» — показателен.

В целом по России, согласно данным МВД и аналитическим отчетам, молодежная преступность также характеризуется высокой долей лиц в возрасте 14–23 лет, что совпадает с мнением респондентов. В масштабах страны большинство молодых преступников также неустойчивы в социальном плане, имеют низкий уровень образования и сталкиваются с семейными трудностями. Однако на федеральном уровне отмечается более широкое распространение наркозависимости, а уровень преступлений среди молодежи более гетерогенен по регионам, чем в Кузбассе, где промышленная структура и социально-экономическая ситуация создают особенно благоприятную почву для преступлений, связанных с уличной деятельностью и мелким хулиганством. В России в целом, по данным Росстата, более выражена проблема рецидивов и преступлений с проявлением насилия, что связано с более опасной криминальной средой в некоторых регионах⁸.

В ответах на вопрос о возрастных и семейных характеристиках молодых преступников среди экспертов прослеживается определенная тенденция: подавляющее большинство респондентов указывают возраст от 14 до 23 лет как критический, особенно выделяя возраст 16–20 — зона наибольшего риска. Практически все подчеркивают наличие семейного неблагополучия — это звучит не как дополнительный фактор, а как основной фон, на котором разворачиваются «девиантные сценарии». В ряде ответов встречаются указания на одиночество, развод родителей, беспризорность — все это дополняет образ молодого человека, не имеющего устойчивых связей и поддерживающей социальной среды. 10 % респондентов фокусируется на семье, полностью исключая значимость других факторов, а еще 10 % — только на возрасте. Такое единогласие показывает: в восприятии респондентов преступность — это прежде

⁸ Карта показателей преступности России // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения 22.09.2025).

всего следствие провала базовых социальных институтов, а не личных отклонений или внешнего давления.

На вопрос об образовании молодых преступников большинство экспертов (70 %) называют неполное или среднее образование как наиболее типичное. Особенно подчеркиваются случаи незавершенного обучения, что может символизировать не только нехватку знаний, но и общую неустойчивость жизненного пути. При этом 30 % экспертов абсолютно снимают значимость образовательного уровня: Общая картина формирует образ человека, не завершившего путь социализации через образовательные институты либо осознанно отвергшего их. Невысказанная, но прослеживаемая идея: система образования — не гарант профилактики, но ее дисфункциональность часто коррелирует с девиантностью. На федеральном уровне данные свидетельствуют, что большинство молодых преступников имеют неполное или среднее образование, зачастую незавершенное. В ряде регионов отмечается рост числа лиц без образования или с низким образовательным уровнем, что связано с высокой степенью трудной социальной адаптации⁹.

В описании окружения, оказывающего влияние на молодых преступников, большинство респондентов из числа экспертов (70 %) указывают на друзей с сильным характером, лидеров компаний, ранее судимых взрослых, «уличных авторитетов». Эти фигуры выступают не как поддерживающие, а как направляющие — часто в сторону деструктивно-криминальной активности. Лишь 10 % опрошенных называет родителей в роли значимого «Другого», и только один процент упоминает учителей, что делает социально-одобряемые фигуры практически невидимыми в этой картине. Женщины как влиятельные фигуры не появляются вовсе, что подчеркивает гендерный разрыв в восприятии социального влияния. В большинстве случаев речь идет не о близости или принятии, а о подчинении, страхе или стремлении к принадлежности. Таким образом, значимый «Другой» в этом контексте — не опора, а сила, которую нужно признать, чтобы выжить или встроиться в среду.

⁹ Информационно-аналитическая записка к отчету ГУ МВД России по Кемеровской области о деятельности полиции в 2022 году. // Главное Управление МВД России по Кемеровской области – Кузбассу. URL: <https://42.xn--b1aew.xn--p1ai/folder/35588863> (дата обращения: 25.09.2025).

Рассуждая о социально-экономическом статусе молодых преступников, 70 % респондентов выделяют низкий уровень жизни и безработицу как ключевые признаки. Особенно часто упоминается отсутствие трудовой занятости, что воспринимается не только как экономическая проблема, но и как символ социальной оторванности. При этом 20 % экспертов акцентируют, что уровень может быть «разным», тем самым демонстрируя отказ от универсального шаблона. Один из участников называет статус «средним», что может указывать на понимание более широкой палитры социального происхождения преступности. Тем не менее ни один из ответов не связывает преступное поведение с высоким достатком или благополучием, что подчеркивает устойчивый образ маргинала как типичного нарушителя закона. Мнения экспертов демонстрируют восприятие преступности как следствия структурной бедности и отсутствия интеграции, а не индивидуального выбора на фоне благополучия.

В вопросе о зависимостях большинство респондентов (60 %) прямо называют алкоголь и наркотики как ключевые факторы, влияющие на преступное поведение. Еще 30 % упоминают курение, но скорее как дополнительный маркер асоциальной среды, чем как самостоятельную причину. 10 % респондентов формулирует зависимость более обобщенно — как «нахождение под влиянием». В целом образ «зависимого преступника» в восприятии большинства укоренен в модели химической зависимости, при этом поведенческие и эмоциональные зависимости практически не упоминаются, что создает лауну в осознании глубинной природы привязанностей, формирующих девиантное поведение.

В описаниях личных качеств молодых преступников эксперты практически единогласно репрезентируют образ человека с дисфункциональными характеристиками: «слабовольный, ленивый, подверженный влиянию, агрессивный, замкнутый, инфантильный». 90 % ответов указывают на негативные особенности, подчеркивая неспособность к саморегуляции, отсутствие зрелой идентичности и низкую социальную ответственность. Такие черты, как внушаемость, недисциплинированность, спонтанность, трактуются не как особенности возраста, а как признаки моральной и психической незрелости. Ни один респондент не указывает на позитивные или амбивалентные качества, например, протестность, чувствительность,

стремление к признанию, что свидетельствует о склонности к стигматизации, а не к анализу. Общий портрет складывается не столько из образа агрессора, сколько из проекции «слабого субъекта», утратившего «внутренний компас» и легко поддающегося внешнему влиянию: «Это не зверь — это человек, который не устоял». По данным психологических исследований в России, примерно 65 % подростков, совершающих преступления, характеризуются как эмоционально незрелые, с низким уровнем саморегуляции и склонностью к импульсивным действиям, что подтверждает описанный образ [24].

Подавляющее большинство респондентов (80 %) указывают кражи как наиболее частый тип преступлений молодежи, подчеркивая доступность, распространенность и «низкий порог входа». Часто также упоминаются преступления, связанные с наркотиками, а также угон, разбой и вандализм, что формирует образ молодого преступника как спонтанного, уличного нарушителя, действующего в условиях сиюминутной выгоды. Среди редких преступлений преобладают убийства и тяжкие телесные повреждения. Одиочные упоминания алиментов, поджогов и терроризма подчеркивают разницу в способе мышления — от формально-юридического до бытового и эмпирического. Ответы респондентов рисуют довольно однородный портрет низового преступника: не «жестокого монстра», а, скорее, находчивого участника уличной сцены, для которого преступление — «это способ быть, а не нарушить».

Ответы экспертов на вопрос о том, как молодые люди оценивают свои действия, указывают на позицию отчужденности, отрицания, но при этом рационализации. Основной фон — ощущение несправедливости со стороны общества как социальной системы, убежденность в незаконности наказания, восприятие преступления как чего-то незначительного или временного. Эксперты также подчеркивают, что молодые люди не осознают последствий своих действий или игнорируют их значимость. Звучат и более сложные мотивы: давление общества и ощущение отсутствия личного выбора. Все это формирует образ субъекта, который либо отрицает ответственность, либо переносит ее на обстоятельства, систему, социальную среду. Таким образом, внутренняя работа над виной либо не началась, либо остается поверхностной, защищенной механизмами вытеснения и рационализации.

В описаниях актуальных мер воздействия на молодых преступников эксперты демонстрируют уклон в сторону мягких, развивающих и социально ориентированных подходов. Наиболее частотной стратегией выступают воспитательные и профилактические беседы (40 % респондентов), что отражает веру в силу слова и возможности разъяснительной работы. 20 % подчеркивают роль психолога, предлагая более глубокую, индивидуализированную форму помощи. Прозвучали также предложения, связанные с реалистическим шоком (экскурсии в колонии), социализирующими практиками (бесплатные спортивные секции, творческие кружки, наставничество) и институциональными программами (образование, общественные работы, интенсивная адаптация). При всей разнородности подходов респонденты сходятся в мысли, что эффективная ресоциализация возможна не через наказание молодых преступников, а через их вовлечение, включение и поддержку.

При описании сложностей, возникающих в работе с молодыми преступниками, мнения экспертов разделились. 50 % говорят о психологических и поведенческих барьерах молодежи. Замкнутость, инфантильность, неспособность к рефлексии, несерьезное отношение к происходящему и низкая мотивация — все это создает образ человека, еще не вступившего во взрослую реальность, несмотря на совершенное преступление. Остальные 50 % акцентируют внимание на системных препятствиях — устаревших методиках, дефиците специалистов, нехватке ресурсов и административных ограничениях, сдерживающих реальные попытки помочь. Особенно ценно упоминание влияния окружения как внешнего поля, которое часто сильнее индивидуальной мотивации. Таким образом, выявлена двойная уязвимость: с одной стороны — незрелый субъект, не готовый к диалогу и изменению; с другой — система, неспособная гибко и вовремя предложить работающие инструменты. И в этой связке часто теряется и эффективность, и вера в возможность настоящей ресоциализации.

В ответах на вопрос о диагностике деструктивно-криминальной активности молодого преступника эксперты демонстрируют многомерный подход, с преобладанием двух главных осей: семейного фона и психологической динамики личности. 50 % специалистов указывают на важность изучения воспитания, детских травм, родительского примера и общего состава се-

мьи как решающего влияния. 30 % акцентируют внимание на ближайшем окружении и фигурах с доминирующими чертами характера, которые могут подстрекать к девиации. Несколько участников отмечают значимость поведенческих изменений, эмоционального фона, мотивации и уровня социализации, что говорит о попытке отследить не просто факты, а процессы развития личности. Уровень ответов экспертов позволяет рассматривать институциональные индикаторы — школьная статистика и влияние медиа — что отражает более широкий взгляд на поле факторов. В целом модель диагностики, представленная респондентами, балансирует между микросоциальным анализом (семья, окружение) и интрапсихической чувствительностью, при этом избегая стигматизирующих клише и демонстрируя достаточно высокую степень профессиональной рефлексии. Общий анализ данных, полученных в ходе исследования, свидетельствует о сложной социальной и психологической структуре молодежной преступности.

Подводя итог, можно привести ряд закономерностей, выявленных в результате исследования:

- социальная изоляция, неблагоприятная семейная среда и низкий уровень социальной интеграции являются важными факторами, способствующими деструктивно-криминальной активности молодежи;

- отмечается значимость социально-экономических и семейных условий, психологической уязвимости как факторов, влияющих на преступность;

- преступление для молодого человека — способ выживания или самореализации, а не систематическая жестокость;

- проявляется тенденция к рационализации и внешней оправданности преступных поступков, что усложняет профилактику;

- гуманистический подход, ориентированный на поддержку и развитие, доминирует в обеих частях исследования, что свидетельствует о важности социально-ориентированных мер;

- отмечается необходимость системной диагностики и профилактических мер, основанных на комплексном анализе факторов риска деструктивно-криминальной активности молодежи.

На основании собранных и проанализированных статистических данных и экспертных оценок авторами было разработано ПО «Социально-территориальное моделирование деструктивно-криминальной активности молодежи в регионе» на языке программирования

Python. Данное ПО было интегрировано в исполняемый файл, включающий графический интерфейс пользователя. Разработанная программа предназначена для анализа совокупности социально-демографических и психологических характеристик с целью определения склонности индивида к совершению преступных действий. На первом этапе пользователь должен ввести в программу индивидуальные параметры, которые будут использоваться для построения профиля потенциального преступника, а именно: возраст, пол, семья, образование, судимости, психические особенности, субкультура, ПАВ (вредные привычки), социальное окружение, место (географическая позиция, в перспективе геолокация).

В качестве исследовательского примера были заданы параметры портрета человека мужского пола, 25 лет, с полной семьей, высшим образованием, работой, отсутствием судимостей, не принадлежащего к субкультуре, не принимающего ПАВ, с поддерживающим окружением и из региона Кемеровская область (рис. 1).

По результатам входных данных программный алгоритм обобщает собранную информа-

цию, а также вычисляет уровень рецидива по десятибалльной шкале, в которой чем выше число, тем выше риск первого совершения или рецидива преступления. Далее алгоритм определяет тип девиации человека, где первичная девиация обозначает соответствие человека культурным нормам, принятым в обществе, а вторичная — нарушение человеком социальных норм. В конечном этапе программа формирует рекомендации в отношении человека для предупреждения совершения преступлений. Результат работы аналитической части программы представлен на рис. 2.

В программе также реализован модуль сопоставления полученных данных с официальной статистикой молодых преступников по России и Кемеровской области в зависимости от возраста, пола, образования, трудоустройства и уровня рецидивизма преступлений, что позволяет выявлять региональные особенности деструктивно-криминальной активности молодежи. Данный модуль является статичным и является справочной информацией для пользователей. Результат работы статистического модуля представлен на рис. 3.

Возраст:	25
Пол:	м
Семья:	полная
Образование:	высшее
Работа:	да
Судимости:	0
Психика:	норма
Субкультура:	нет
ПАВ:	нет
Окружение:	поддерживающее
Место:	Кемеровская область
<input type="button" value="Сформировать портрет"/>	

Рис. 1. Интерфейс модуля ввода данных в программу «Социально-территориальное моделирование деструктивно-криминальной активности молодежи в регионе»

Fig. 1: The interface of the Data Input Module in the “Socio-Territorial Modeling of Destructive-Criminal Activity of the Youth of the Region” Program.

молодой человек из полной семьи имеет высшее образование, имеет работу, не судим, окружён поддерживающей средой, проживает в регионе: Кемеровская область.

Уровень риска рецидива: 2 из 10
 Тип рецидива: первичная

Рекомендуется поддержка и контроль

Рис. 2. Интерфейс аналитического модуля программы «Социально-территориальное моделирование деструктивно-криминальной активности молодежи в регионе»
Figure 2: The interface of the Analytical Module in the Program “Socio-Territorial Modeling of Destructive-Criminal Activity of the Youth of the Region”

Параметр	Россия	Кемеровская область	Комментарий
Возраст	28–35 % от всех преступников — группа 14–35 лет	18–29 лет — 41,6 % всех установленных лиц	Значительно выше, подтверждает активность молодёжи
Пол	89–92 % мужчины	87,2 % мужчины, 12,8 % женщины	Примерно соответствует общероссийским данным
Образование	Среднее — около 70 %, высшее — до 10 %	2,4 % — высшее, 57,9 % — среднее, 39,7 % начальное или без	Доминируют лица со средним и низким уровнем образования
Трудоустройство	~478 тыс. преступников без дохода в 2023	61,1 % — без постоянного источника дохода	Подтверждает связь между безработицей и преступностью
Рецидивизм	57,1 % преступлений — рецидив (2021); 439 тыс. в 2023	49,8 % — ранее судимые, из них 28,2 % — в период непогашен	Почти половина преступлений совершается рецидивистами

Рис. 3. Интерфейс статистического модуля программы «Социально-территориальное моделирование деструктивно-криминальной активности молодежи в регионе»
Figure 3. The Interface of the Statistical Module in the Program “Socio-Territorial Modeling of Destructive-Criminal Activity of the Youth of the Region”

Вариантом расширения возможностей визуализации и детального представления результатов измерений может послужить «пакет Flash инструментов» взамен неуклюжим и затратным по времени традиционным методам. Среди инструментов — слайдер, шкальный вопрос, где респондент имеет возможность перемещать по шкале «бегунок», выбирая положение на шкале, которое наилучшим образом отражает его мнение [24, с. 112]. Подобная функция в сочетании с динамическим пакетом обновления данных позволяют получить точечные данные об исследуемых объектах.

Предлагаемый авторами статьи цифровой ресурс представляет «входящий модуль», диагностический по своей базовой задаче, дающий первичное представление о наблюдаемых деструктивных проявлениях молодежи. Помимо исследований в строгой выборочной совокупности, программный продукт может быть использован для решения ряда проективных за-

дач, проверки молодых граждан по принципу параллельной табуляции мнений (когда молодые люди и их окружение могут принимать участие в прямой или латентной оценке своих знакомых. Исследователи отмечают возможность комбинирования программного продукта с инструментами data analytics.

Выводы

Интегральный подход к построению социального портрета молодого преступника предполагает использование многомерного показателя, что позволяет не только охарактеризовать типовые черты преступников молодого возраста, но и понять причины, которые способны сподвигнуть их на совершение противоправных действий, а также определить условия, способствующие рецидивам. Индивидуально-личностные особенности, такие как слабая психологическая зрелость, низкая мотивация к социальной адап-

тации, склонность к импульсивности, в совокупности с социальными факторами — семейной неблагополучностью, низким уровнем жизни, отсутствием стабильной занятости и социальной поддержки — формируют условия, в которых вероятность совершения преступлений возрастает. Важную роль в этом процессе играет и влияние внешней среды, в том числе территориально-пространственных особенностей региона.

На основании проведенного исследования социального портрета молодого преступника, проживающего в Кузбассе, можно сделать ряд ключевых выводов, отражающих его социально-демографические, психологические и криминальные особенности, а также сравнить их с общероссийскими тенденциями.

Во-первых, деструктивная молодежь Кузбасса характеризуется преобладанием мужчин в возрасте около 30 лет, что несколько отличается от более смешанного возрастного диапазона, наблюдаемого в России в целом. Большинство из них имеют проблемы с социальной адаптацией, без постоянной работы и стабильных источников дохода, что особенно заметно в условиях экономических возможностей регионов ресурсного типа, отличающихся высоким уровнем безработицы и ограниченными возможностями трудоустройства. При этом большинство молодых преступников — это люди с низким социальным статусом, испытывающие социальную изоляцию, слабые семейные связи, что способствует формированию неблагоприятных условий их ресоциализации.

Во-вторых, практически все молодые преступники региона демонстрируют наличие зависимостей, особенно алкоголя и наркотиков, хотя уровень официально заявленного учета в наркодиспансерах относительно низкий. Это свидетельствует либо о скрытом распространении этих проблем, либо о недостаточной выявляемости, что может снижать эффект от профилактической работы. Устойчивые негативные зависимости выступают важным фактором, усиливающим риск повторных преступлений и усложняющий процесс исправления.

В-третьих, возможности и влияние семьи занимают центральное место в портрете молодых преступников Кузбасса: большинство характеризуется неблагополучием, разводами родителей, отсутствием поддержки и стабильных связей, что делает их уязвимыми к девиантным тенденциям. Этот фактор выступает универсальным и для

России, однако в регионе его проявление более выражено, что связано с особенностями региональной демографии и современными социально-экономическими условиями.

В-четвертых, психологические особенности молодых преступников характеризуются низкой эмоциональной зрелостью, возможностью саморегуляции, склонностью к импульсивным действиям, недисциплинированностью и замкнутостью на фоне «свободы в сети» и пр.

В-пятых, совершаемые молодежью деструктивные, преступные проявления в регионе в основном связаны с имущественными преступлениями: кражами, угоном транспортных средств, а также преступлениями, связанными с наркотиками и, в меньшей степени, насильственными актами. В отличие от России в целом, в Кузбассе отмечается меньшая тяжесть и массовость тяжких преступлений, однако уровень рецидивов и повторных преступлений остается высоким, что свидетельствует о необходимости системной профилактической работы и комплексных программ реабилитации. Обобщая выводы и результаты анализа факторов, обуславливающих преступное поведение молодежи, отмечаем необходимость внедрения комплексных, межведомственных программ, способствующих развитию системы социальной поддержки, профессиональной ориентации, профилактики наркозависимости и укрепления семейных ценностей с учетом региональных особенностей. Повышение эффективности реализации этих программ можно достичь также при помощи их экспертного сопровождения из числа региональных профильных специалистов.

Социально-территориальное моделирование деструктивно-криминальной активности молодежи Кемеровской области и использование инструментов data-mining в ходе проведения исследования позволило обнаружить ряд ограничений разработанного ПО. Во-первых, значительная часть исходных данных формируется из материалов уголовных дел и официальной статистики, что ограничивает полноту портрета потенциального преступника из-за отсутствия латентных правонарушений и лиц, не привлеченных к уголовной или административной ответственности. Во-вторых, показатели, составляющие социально-психологический характер человека (например, принадлежность к субкультуре, особенности социального окружения

и употребление ПАВ), как правило, имеют субъективный характер и фиксируются без дополнительных деталей, что снижает достоверность создаваемого портрета потенциального преступника в регионе. В-третьих, в случае, если при анализе портрета человека применяются алгоритмы машинного обучения и исходные данные собраны в малых количествах для конкретной задачи, то повышается риск переобучения и появления

ложных закономерностей между признаками в данных. Впоследствии это требует более осторожной интерпретации полученных кластеров или прогнозов. Наконец, правовой и этический аспекты анализа чувствительных данных накладывают ограничения на степень их детализации и способы обработки, что необходимо учитывать при внедрении полученных результатов в практику профилактики противоправных действий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Плакий Е.Н. Феномен страха / Е.Н. Плакий // Вестник Омского университета. — 2000. — № 4. — С. 34–37.
2. Аликперов Х.Д. Причины преступности: опыт критического анализа / Х.Д. Аликперов. — DOI 10.31857/S013216250019597-9. — EDN FPGUHG // Социологические исследования. — 2022. — № 4. — С. 85–92.
3. Мертон Р. Социальная структура и аномия / Р. Мертон // Социология преступности (Современные буржуазные теории) : сб. статей. — Москва, 1966. — С. 299–313.
4. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: структурно-таксономическое моделирование / В.И. Чупров, Ю. Зубок, А.С. Любутов, О.В. Сорокин. — DOI 10.31857/S013216250014766-5. — EDN SBPAJB // Социологические исследования. — 2021. — № 10. — С. 23–36.
5. Епанова Ю.В. Современная молодежь: множественность и различие / Ю.В. Епанова. — DOI 10.31857/S013216250008786-7. — EDN YJRYIU // Социологические исследования. — 2020. — № 3. — С. 151–153.
6. Дадаева Т.М. Социальное самочувствие и социальная справедливость в оценках российской студенческой молодежи: характер взаимосвязи в условиях новых вызовов / Т.М. Дадаева, Н.П. Касаткина, Н.В. Шумкова. — DOI 10.15507/2413-1407.129.033.202502.294-315. — EDN VONHII // Регионология. — 2025. — Т. 33, № 2. — С. 294–315.
7. Шаповалова И.С. Молодежное социоселфи: социальные стратегии региональной молодежи / И.С. Шаповалова, И.С. Заводян. — DOI 10.15507/2413-1407.129.032.202404.768-792. — EDN ZBBIWU // Регионология. — 2024. — Т. 32, № 4. — С. 768–792.
8. Кабанов П.А. Криминальная виктимность несовершеннолетних в Российской Федерации: состояние, структура, тенденции (результаты статистического наблюдения) / П.А. Кабанов. — DOI 10.47475/2411-0590-2023-10-3-263-293. — EDN FJBDKY // Виктимология. — 2023. — Т. 10, № 3. — С. 263–293.
9. Клейберг Ю.А. Актуальная ситуация как предиктор девиантного поведения подростков и молодежи / Ю.А. Клейберг, С.А. Жильцов. — EDN DOWWQO // Человеческий фактор: Социальный психолог. — 2023. — № 3 (47). — С. 179–189.
10. Дорфман Л.Я. Метаиндивидуальная модель деструктивности. Сообщение 1 / Л.Я. Дорфман, К.В. Злоказов. — DOI 10.17323/1813-8918.2017.1.105.122. — EDN OURCGP // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2017. — Т. 14, № 1. — С. 105–122.
11. Фрейд З. Опасные желания. Что движет человеком? / З. Фрейд, К. Юнг. — Москва : Родина, 2019. — 285 с.
12. Исаченко Н.Н. Феномен социальной деструктивности / Н.Н. Исаченко. — EDN YFIOFX // Политика и общество. — 2016. — № 11. — С. 1576–1582.
13. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль / Л. Берковиц. — Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2001. — 516 с.
14. Адорно Т.В. *Minima moralia*. Размышления из поврежденной жизни / Т.В. Адорно ; пер. с нем. А. Белобратова. — Москва : Ад Маргинем Пресс, 2022. — 390 с.
15. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм ; пер. с нем. и [вступ. ст.] Э. Телятниковой. — Москва : АСТ, 2022. — 601 с.
16. Лукацкий М.А. Эрих Фромм о воспитании, преодолевающем человеческую деструктивность / М.А. Лукацкий, Е.А. Крикунова. — Москва : Маска, 2020. — 219 с.
17. Ajide F.M. Criminal Activities and Road Accidents in Nigerian Transport Industry / F.M. Ajide. — DOI 10.1007/s40890-020-0094-4 // Transportation in Developing Economies. — 2020. — Vol. 6. — P. 1–10.
18. Associations of Loneliness and Social Isolation with Physical and Mental Health among Adolescents and Young Adults / J. Christiansen, P. Qualter, K. Friis [et al.]. — DOI 10.1177/17579139211016077. — EDN ZVYFWY // Perspectives in Public Health. — 2021. — Vol. 141, no. 4. — P. 226–236.
19. The Robust Reciprocal Relationship Between Loneliness and Depressive Symptoms among the General Population: Evidence from a Quantitative Analysis of 37 Studies / Z.J. Chen, X.Q. Song, T.M.C. Lee, R.B. Zhang. — DOI 10.1016/j.jad.2023.09.035 // Journal of Affective Disorders. — 2023. — Vol. 343. — P. 119–128.
20. Subha P. Criminal Activity Detection and Prevention Using CCTV Surveillance / P. Subha, V.B. Devi, P.R. Parvathi. — DOI 10.1109/ICCEBS58601.2023.10448520 // Intelligent Computing and Control for Engineering and Business Systems (ICCEBS). — Chennai, India, 2023. — P. 1–6.
21. Koo G.H. Solutions-Oriented Framing and Responsibility Attribution in Urban Youth Crime: Effects on Policy Support and the Mediating Role of Emotions and Social Inequality Perception / G.H. Koo, R. Coleman. — DOI 10.1080/1461670X.2025.2546842. // Journalism Studies. — 2025. — Vol. 26, no. 5. — P. 1–22.

22. Поликарпов В.А. Криминальный интеллект / В.А. Поликарпов, С.И. Алешкевич. — EDN HPAZLY // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. — 2019. — № 2. — С. 111–115.
23. Dadaboeva J.A. The Need for Early Prevention of Offenses among Students of Higher Educational Institutions / J.A. Dadaboeva. — DOI 10.47134/par.v2i3.4040 // Indonesian Journal of Public Administration Review. — 2025. — Vol. 2, no. 3. — P. 1–6.
24. Онлайн исследования в России 2.0 / под ред. А.В. Шашкина, И.Ф. Девятко, С.Г. Давыдова. — Москва : СевероВосток, 2010. — 327 с.

REFERENCES

1. Plaksii E.N. The Phenomenon of Fear. *Vestnik Omskogo universiteta. = Herald of Omsk University*, 2000, no. 4, pp. 34–37. (In Russian).
2. Alikperov Kh.J. Causes of Crime: A Critical Analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2022, no. 4, pp. 85–92. (In Russian). EDN: FPGUHG. DOI: 10.31857/S013216250019597-9.
3. Merton R. Social Structure and Anomie. In *The Sociology of Crime*. Moscow, 1966, pp. 299–313. (In Russian).
4. Chuprov V.I., Zubok Ju., Lyubutov A.S., Sorokin O.V. Self-Regulation of Life of the Youth: Structural-Taxonomic Modeling. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2021, no. 10, pp. 23–36. (In Russian). EDN: SBPAJB. DOI: 10.31857/S013216250014766-5.
5. Epanova Yu.V. Youth: Multiplicity and Difference. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2020, no. 3, pp. 151–153. (In Russian). EDN: YJRYIU. DOI: 10.31857/S013216250008786-7.
6. Dadaeva T.M., Kasatkina N.P., Shumkova N.V. Societal Well-Being Perceptions and Social Justice Assessments among Russian University Students: The Nature of the Relationship in the Context of New Challenges. *Regionologiya = Russian Journal of Regional Studies*, 2025, vol. 33, no. 2, pp. 294–315. (In Russian). EDN: VOHYII. DOI: 10.15507/2413-1407.129.033.202502.294-315.
7. Shapovalova I.S., Zavodyan I.S. Youth Social Selfie: Social Strategies of Regional Youth. *Regionologiya = Russian Journal of Regional Studies*, 2024, vol. 32, no. 4, pp. 758–792. (In Russian). EDN: ZBBIWU. DOI: 10.15507/2413-1407.129.032.202404.768-792.
8. Kabanov P.A. Criminal Victimization of Minors in the Russian Federation: State, Structure, Trends (Results of Statistical Observation). *Viktinologiya = Victimology*, 2023, vol. 10, no. 3, pp. 263–293. (In Russian). EDN: FJBDKY. DOI: 10.47475/2411-0590-2023-10-3-263-293.
9. Kleyberg Yu.A., Zhiltsov S.A. Current Situation as a Predictor of Deviant Behavior of Adolescents and Youth. *Chelovecheskii faktor: Sotsial'nyi psikholog = The Human Factor: A Social Psychologist*, 2023, no. 3, pp. 179–189. (In Russian). EDN: DOWWQO.
10. Dorfman L.Ya., Zlokazov K.V. A Meta-Individual Model of Destructive Patterns. Report 1. *Psikhologiya. Zhurnal Vyssei shkoly ekonomiki = Psychology Journal of the Higher School of Economics*, 2017, vol. 14, no. 1, pp. 105–122. (In Russian). EDN: OURCGP. DOI: 10.17323/1813-8918.2017.1.105.122.
11. Freud S., Jung C. *Dangerous Desires. What Motivates a Person?* Moscow, Rodina Publ., 2019. 285 p.
12. Isachenko N.N. Phenomenon of Social Destructiveness. *Politika i obshchestvo = Politics and Society*, 2016, no. 11, pp. 1576–1582. (In Russian). EDN: YFIOFX.
13. Berkowitz L. *Aggression: Its Causes, Consequences, and Control*. Boston, McGraw-Hill, 1993. 485 p. (Russ. ed.: Berkowitz L. *Aggression: Causes, Consequences, and Control*. Saint Petersburg, Praim-Evroznak Publ., 2001. 516 p.).
14. Adorno T.W. *Minima Moralia: Reflexionen aus dem Beschädigten Leben*. Frankfurt am Main, 1970. 338 p. (Russ. ed.: Adorno T.W. *Minima Moralia: Reflections from the Damaged Life*. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2022. 390 p.).
15. Fromm E. *The Anatomy of Human Destructiveness*. New York, Holt, Rinehart and Winston, 1973. 521 p. (Russ. ed.: Fromm E. *The Anatomy of Human Destructiveness*. Moscow, AST Publ., 2022. 601 p.).
16. Lukatskii M.A., Krikunova E.A. *Erich Fromm on Education that Overcomes Human Destructiveness*. Moscow, Maska Publ., 2020. 219 p.
17. Ajide F.M. Criminal Activities and Road Accidents in Nigerian Transport Industry. *Transportation in Developing Economies*, 2020, vol. 6, pp. 1–10. DOI: 10.1007/s40890-020-0094-4.
18. Christiansen J., Qualter P., Friis K., Lasgaard M., Pedersen S.S., Andersen C.M., Lund R., Bekker-Jeppesen M. Associations of Loneliness and Social Isolation with Physical and Mental Health among Adolescents and Young Adults. *Perspectives in Public Health*, 2021, vol. 141, no. 4, pp. 226–236. (In Russian). EDN: ZVYFWY. DOI: 10.1177/17579139211016077.
19. Chen Z.J., Song X.Q., Lee T.M.C., Zhang R.B. The Robust Reciprocal Relationship Between Loneliness and Depressive Symptoms among the General Population: Evidence from a Quantitative Analysis of 37 Studies. *Journal of Affective Disorders*, 2023, vol. 343, pp. 119–128. (In Russian). DOI: 10.1016/j.jad.2023.09.035.
20. Subha P., Devi V.B., Parvathi P.R. Criminal Activity Detection and Prevention Using CCTV Surveillance. In *Intelligent Computing and Control for Engineering and Business Systems (ICCEBS)*. Chennai, India, 2023, pp. 1–6. DOI: 10.1109/ICCEBS58601.2023.10448520.
21. Koo G.H., Coleman R. Solutions-Oriented Framing and Responsibility Attribution in Urban Youth Crime: Effects on Policy Support and the Mediating Role of Emotions and Social Inequality Perception. *Journalism Studies*, 2025, vol. 26, no. 5, pp. 1–22. DOI: 10.1080/1461670X.2025.2546842.
22. Polikarpov V.A., Aleshkevich S.I. Criminal Intelligence. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya = Journal of the Belarusian State University. Sociology*, 2019, no. 2, pp. 111–115. (In Russian). EDN: HPAZLY.
23. Dadaboeva J.A. The Need for Early Prevention of Offenses among Students of Higher Educational Institutions. *Indonesian Journal of Public Administration Review*, 2025, vol. 2, no. 3, pp. 1–6. DOI: 10.47134/par.v2i3.4040.
24. Shashkin A.V., Devyatko I.F., Davydov S.G. (eds). *Online Research in Russia 2.0*. Moscow, SeveroVostok Publ., 2010. 327 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нятина Наталья Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета, 650000, Российская Федерация, г. Кемерово, ул. Красная, 6, kozeeva_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2748-4725>, SPIN-код: 9172-7807, Scopus Author ID: 57225971178, ResearcherID: AAJ-3125-2021.

Григорик Никита Николаевич — младший научный сотрудник Учебно-научной лаборатории социологических исследований Кемеровского государственного университета, 650000, Российская Федерация, г. Кемерово, ул. Красная, 6, grigorik_nikita@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8868-0244>, SPIN-код: 2873-6884, ResearcherID: ABB-8626-2020.

Лось Михаил Александрович — ассистент кафедры цифровых технологий Кемеровского государственного университета, 650000, Российская Федерация, г. Кемерово, ул. Красная, 6, mihail.los124@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-2978-4659>, SPIN-код: 9329-0433.

ВКЛАД АВТОРОВ

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nyatina, Natalya V. — Ph.D. in Sociology, Ass. Professor, Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University, 6 Krasnaya Str., Kemerovo, 650000, the Russian Federation, kozeeva_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2748-4725>, SPIN-Code: 9172-7807, Scopus Author ID: 57225971178, ResearcherID: AAJ-3125-2021.

Grigorik, Nikita N. — Junior Researcher, Educational and Scientific Laboratory of Sociological Research, Kemerovo State University, 6 Krasnaya Str., Kemerovo, 650000, the Russian Federation, grigorik_nikita@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8868-0244>, SPIN-Code: 2873-6884, ResearcherID: ABB-8626-2020.

Los, Mikhail A. — Junior Lecturer, Department of Digital Technologies, Kemerovo State University, 6 Krasnaya Str., Kemerovo, 650000, the Russian Federation, mihail.los124@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-2978-4659>, SPIN-Code: 9329-0433.

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests